

На вилле семьи Гу мальчик лежал у окна и, не двигаясь, смотрел наружу.

Дворецкий тихонько постучал в открытую дверь:

– Чжэньсинь, иди есть.

Молодой человек, которого называли Чжэньсинь, был в пушистой пижаме-овечке, на капюшоне свисали мягкие овечьи ушки. Он рассеянно повернул голову, и вид у него был очень обиженный.

Он был милым, вызывал жалость. Волосы слегка вились от природы, давно не стрижены, хоть и растрёпаны, но это не портило его внешности. Кожа от природы белая, а из-за того, что последние годы он редко выходил из дома, стала ещё бледнее. Каждый день слуги семьи Гу пытались вытащить его на солнце, но он предпочитал оставаться в своей маленькой комнате, потому что Гу Цзинин сказал ему: будь послушным, он любит послушных детей.

Дворецкий, увидев, что он лежит у окна, сразу всё понял и сказал:

– Старший молодой господин сегодня звонил, сказал, что не вернётся к ужину.

Цинь Чжэньсинь уныло протянул:

– О... Хорошо, я понял, пойдём есть.

Глядя на него, дворецкому тоже стало жаль. Сейчас второй молодой господин учится за границей, госпожа поехала с ним, хозяин уже умер, и всем в семье Гу заправляет старший молодой господин; он занят, не может каждый день возвращаться вовремя.

Но сегодня Цинь Чжэньсинь вёл себя хорошо, и дворецкий с доброй улыбкой подбодрил его:

– Синьсинь молодец, сейчас мы с тобой побольше поедим.

Но вдруг Цинь Чжэньсинь скривил губы и расплакался; слёзы градом покатались, он всхлипывал:

– Я, я уже, уже очень послушный, братец Нин, по-почему всё ещё... ау-у.

Слова прерывались, в конце уже нельзя было разобрать, что он говорит. Дворецкий дядя Ван хоть и привык к такому, всё равно растерялся и мог только утешать:

– Не плачь, не плачь, Синьсинь, хороший, я, я ему позвоню, дам тебе поговорить со старшим молодым господином.

Цинь Чжэньсинь всхлипывал и мотал головой:

- Я, я не, он, братец Нин, он не любит, чтобы я звонил.

Будто вспомнил что-то горькое; столкнувшись с этим фактом, Цинь Чжэньсинь заплакал ещё сильнее.

Вдруг снаружи донёлся сигнал машины. Дядя Ван подошёл к окну и радостно указал на чёрную подъездную дорожку:

- Синьсинь, не плачь, смотри, это машина старшего молодого господина, он вернулся.

- А? - Цинь Чжэньсинь обернулся, увидел машину внизу и замер.

- Пойдём, хорошенько вытри лицо, как раз поешь вместе со старшим молодым господином, хорошо?

- Угу, хорошо! - Цинь Чжэньсинь энергично кивнул и вдруг побежал наружу.

Так спешил, что на лестнице потерял одну тапочку; дядя Ван испугался и закричал сзади:

- Чжэньсинь! Помедленнее! Сяо Чжи, скорее присмотри за ним, не дай ему упасть.

Молоденькая няня тоже поспешно прибежала к лестнице и поддержала Цинь Чжэньсиня за руку.

Цинь Чжэньсинь рвался к двери, но Сяо Чжи его удержала.

- Не спеши, обуемся, а потом вытрем лицо.

- Хорошо~ - мягко отозвался Цинь Чжэньсинь, не сводя глаз с двери; когда тапочки были надеты, он позволил Сяо Чжи вытереть ему слёзы.

Когда вытерли, Цинь Чжэньсинь снова побежал к двери, открыл её, чтобы встретить Гу Цзинина, но увидел другого мужчину.

Он испугался, тихо вскрикнул, уголки губ резко опустились, развернулся и с топотом убежал в гостиную, спрятавшись в углу дивана.

Пришедший был помощником Гу Цзинина, обычно с каменным лицом.

Цинь Чжэньсинь втайне называл его Шестёркой Бубён.

- Сяо Фан, - дядя Ван тоже подошёл к двери и радушно поздоровался: - Ты уже ел?

Помощник Фан шагнул вперёд, слегка поклонился и сказал:

- Вот в чём дело, дядя Ван: босс велел мне забрать господина Циня.

- Хорошо, хорошо, хорошо, - улыбнулся дядя Ван. - Поужинать на стороне тоже неплохо, спасибо, что заехал.

- Не за что, это моя обязанность.

Дядя Ван обернулся и велел Сяо Чжи отвести Цинь Чжэньсиня в комнату переодеться.

Цинь Чжэньсинь с перепуганным видом посмотрел на Сяо Чжи и отчаянно замотал головой:

- Сестра Сяо Чжи, я, я не хочу идти с ним.

Сяо Чжи успокаивала его и поглядывала на впущенного помощника Фана, с чуть неловкой улыбкой; помощник Фан стоял в стороне со спокойным лицом, будто его это не волновало.

В конце Сяо Чжи пустила в ход имя Гу Цзинина и сказала Цинь Чжэньсиню, что если он переоденется, помощник Фан отведёт его к братцу Нину. Цинь Чжэньсинь засомневался, но всё же послушно пошёл в комнату.

Был уже январь, а Цинь Чжэньсинь вышел в худи; Сяо Чжи нашла ему тёплую одежду, укутала его поплотнее и только потом передала помощнику Фану.

Дядя Ван был в возрасте и не стал ничего говорить, но Сяо Чжи — другое дело; из-за хороших отношений с Цинь Чжэньсином, провожая его к машине, она подошла к помощнику Фану и тихо сказала:

- Брат Фан, если Чжэньсинь доставит хлопоты, снова рассердит старшего молодого господина, пожалуйста, позаботься о нём побольше. Он сейчас в таком состоянии, вне дома, мы очень за него волнуемся.

- Я работаю на босса, - сказал помощник Фан. - Отвечаю за то, чтобы доставить господина Циня.

Подтекст: он слушается только Гу Цзинина, а просьбы других для него ничего не значат.

- Сяо Чжи! - окликнул дядя Ван, и Сяо Чжи только улыбнулась помощнику Фану, открыла заднюю дверцу и дала Цинь Чжэньсиню несколько наставлений: держи телефон при себе, если потеряешься — стой на месте и пять раз подряд нажми маленькую кнопку сбоку телефона.

Цинь Чжэньсинь кивнул, будто понял, но не совсем.

Проводив машину взглядом, пока она не выехала со двора и не скрылась вдаль, Сяо Чжи вернулась к двери, вздохнула и только тогда закрыла её.

- Впредь не говори того, чего не следует, - строго посмотрел на неё дядя Ван.

Сяо Чжи опустила голову:

- Я просто волнуюсь.

Такое уже бывало. Старший молодой господин один выводил Цинь Чжэньсиня, но возвращался сам; остальные сходили с ума от волнения, а старший молодой господин холодно говорил:

- Глядя на вас, можно подумать, что он член семьи Гу.

Хотя в глазах и сердце Цинь Чжэньсиня был только старший молодой господин, тот к нему... относился не так уж внимательно.

- Ладно, - дядя Ван тоже тихо вздохнул. - Не думай, пойдём есть.

С тревогами Сяо Чжи и дяди Вана Цинь Чжэньсинь более-менее благополучно встретился с Гу Цзинином. В отдельном кабинете было много людей, ему не нравилась такая обстановка, и он сидел только рядом с Гу Цзинином. Гу Цзинин повернул голову и посмотрел на него:

- Сам есть умеешь? Покормить тебя?

- ... - Помолчав, Цинь Чжэньсинь хотел кивнуть, чтобы его покормили, но Гу Цзинин поставил перед ним чашку и палочки: - Умеешь — ешь сам.

Сказав это, Гу Цзинин снова заговорил с друзьями.

Кто-то посмотрел на Цинь Чжэньсиня и с насмешкой сказал:

- Молодой господин Гу, это и есть та красотка, которую ты прячешь в золотом доме? Очень хорош.

- Красивый — а толку хрен, - Гу Цзинин закончил есть, сидел и курил, хмурясь смотрел на Цинь Чжэньсиня, и чем больше смотрел, тем сильнее раздражался; следующая фраза сорвалась сама: - Дурак дураком.

- Так ведь как раз задница есть, для дела сгодится? Ха-ха-ха-ха-ха.

- Точно, главное — можно пользоваться!

- Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха.

Все мужчины за столом рассмеялись. Цинь Чжэньсинь растерянно поднял голову, будто не понимал, о чём они, но он понял, что Гу Цзинин назвал его дураком.

Он не мог возразить и только позволил Гу Цзинину говорить, опустил голову и продолжил есть.

После смеха сидевший рядом человек снова спросил Гу Цзинина, почему он не привёл того красавчика, что был несколько дней назад.

Гу Цзинин злобно вдавил окурок в пепельницу и мрачно сказал:

- Чёрт, не напоминай, говорят, он человек Цзян Юя.

- Охренеть, не может быть, - испугался и спрашивавший. - И что теперь делать?

К людям Цзян Юя нельзя просто так прикоснуться.

Раньше видели, как Гу Цзинин с сияющим лицом обнимал молодого человека — ясно, добился своего; небрежно переспал с чьим-то человеком, а узнав, Цзян Юй оставит это просто так?

Видя, что Гу Цзинин молчит, окружающие тихо спросили:

- Он узнал?

Гу Цзинин кивнул.

- ...Не мог он нарочно тебя подставить? Ловушка с красавцем?

Гу Цзинин раздражённо закурил ещё одну сигарету:

- Вряд ли, ему это ни к чему.

И действительно. Семья Гу пустила корни в Пинчэне, друзья Гу Цзинина тоже были из богатеньких наследников, и обычно они ходили гоголем без проблем. Но семья Цзян — влиятельный род в Пинчэне, и все коммерсанты так или иначе держались за это большое дерево, перед Цзянами все заискивали.

Как старший сын семьи Цзян, Цзян Юй имел очень дурную славу; в их кругах все знали, что он бабник и сластолюбец, самодур, и если кто ему приглянулся, он обязательно своего добьётся;

пока ему не надоест, никто другой не смеет и пальцем тронуть.

Они были друзьями много лет, и друг знал Гу Цзинина: тот, встретив того, кто нравится, тоже не удержится; кто ж знал, что теперь из-за его гулянок случится беда.

- Ну ты тоже, перед тем как спать, не спросил?

- Когда пьяный, какое там спрашивать, - нетерпеливо пробормотал Гу Цзинин, выругавшись.

Тот, кто в прошлый раз разозлил Цзян Юя, до сих пор сидит в тюрьме, и семейное дело разрушено. Друг бросил на Гу Цзинина сложный взгляд, похлопал его по плечу:

- Ничего, есть ещё мы.

- Тогда уж точно не дадим тебе с голоду помереть, будем по очереди приносить тебе вкусенькое.

- Иди ты, иди! - Гу Цзинин оттолкнул его. - Не доставай меня, чёрт.

Дым медленно поднимался, и сквозь него Гу Цзинин увидел лицо Цинь Чжэньсиня.

Он глубоко затянулся и медленно выдохнул, велел помощнику Фану принести бутылку напитка, открыл её и поставил перед Цинь Чжэньсином.

Он уже не мог думать о последствиях. Время поджимало; до того как Цзян Юй начнёт действовать, он должен показать ему свою искренность...

Цинь Чжэньсинь не знал, сколько спал; когда проснулся, голова страшно болела, яркий свет бил в глаза. Он повернул голову и увидел сидевшего у кровати человека, испугался.

У мужчины были суровые брови и глаза, тяжёлый взгляд, на вид около тридцати, но, несомненно, красивое лицо, с врождённой праведностью.

Цинь Чжэньсинь отшатнулся, потёр глаза, но незнакомец перед ним так и не превратился в Гу Цзинина.

- Братец Нин... - пробормотал он и медленно начал подниматься, собираясь встать с кровати. Но не успел он спуститься, как рука схватила его за лодыжку.

Он испуганно громко заплакал.

- Не плачь! - рявкнул Цзян Юй. - Замолчи!

Цинь Чжэньсинь остолбенел на несколько секунд.

И снова зарыдал в голос.

Цзян Юй:

- ... Твою мать.

Сейчас он был очень раздражён. После провала прошлого задания он попал в этот мир, и система сказала, что это последний мир. Он ещё с надеждой спросил: «Значит, больше не придётся перемещаться?» Система честно призналась: у него осталось совсем немного очков жизни, и если он не выполнит задание в этом мире, его сотрут.

Цзян Юй:

□Ладно, считай, ты крута.□

Вернувшись в отель, он обнаружил на кровати человека и понял, что это его подопечный, которого нужно спасти.

□Что это за ситуация?□ - от плача Цинь Чжэньсиня у него разболелась голова, и он сказал системе: □Только бы не дурак.□

Система:

□Да.□

Цзян Юй надолго замер:

□...Почему не сказала раньше?□

□У вас нет прав доступа к зашифрованным данным.□

□Что тут шифровать?□ - Цзян Юй неверяще посмотрел на Цинь Чжэньсиня, который плакал так, что чуть не терял сознание. - □Я что, не вижу, что он дурак?□

□Точнее говоря, у него вегетативная дисфункция, вызванная психической травмой.□

□И как мне выполнять задание?□ - Цзян Юй подумал. - □Ладно, я не буду его делать, хорошо?□

Система:

□Предупреждение, предупреждение, обнаружено пассивное отношение.□

За пассивное отношение снимут баллы, а без баллов не будет прав смотреть данные, торговать предметами в магазине и так далее. Цзян Юй успокоился и в одностороннем порядке отключил связь с системой.

Посмотрев на всхлипывающего человека, он сказал:

– Жарко?

Цинь Чжэньсинь опустил голову, увидел, что на нём только трусы, и лицо постепенно покраснело. Он завернулся в одеяло и, плача, сказал:

– Я хочу домой, я хочу к братцу Нину...

Голос был немного хриплым, он плакал так обиженно, что Цзян Юй, глядя на него, вдруг почувствовал, как внизу живота собирается нехороший жар.

Он застыл на мгновение.

И мысленно заорал системе:

□Что с моим телом? А?□

□Из-за твоих многочисленных провалов это специально открытый для тебя... золотой палец. В нужный момент — стоит неколебимо. В атаку — идёшь напролом.□

Цзян Юй:

□То есть в любое время и в любом месте возбуждаться на дурака?□

□Он не дурак, он после травмы...□

□Ладно, ладно, ладно.□ – Цзян Юй перебил её. – □Мне не нужен этот золотой палец.□

Система:

□Мужчина, от того, что я тебе дала, ты не можешь отказаться.□

Цзян Юй:

□...Ты бы поменьше скачивала всякие дурацкие книжки!□

Ладно, не стоит и не стоит. Цзян Юй холодно посмотрел на Цинь Чжэньсиня, из-под одеяла торчала только голова, и снова и снова напомнил себе одну истину.

Он не животное.

Нет.

Человек перед ним всё ещё дурачок, нужно успокоиться.

Но это задание и правда невозможно выполнить.

<http://bllate.org/book/17516/2499148>